

Николай Добролюбов

Мишура

Николай Александрович Добролюбов

Мишура

«...Если бы мы хотели подражать строгим критикам г. Львова, мы могли бы прежде всего вскинуться и на г. Потехина, зачем он идеалом бескорыстия представляет нам негодного человека. Но мы пока этого не сделаем, а просто сообщим читателям, что героем пьесы г. Потехина является Владимир Васильевич Пустоверов, советник губернского правления, обладающий бескорытием действительно идеальным. Не брать взяток – в этом поставляет он идеал всех человеческих совершенств; брать взятки – это значит быть человеком безнравственным, гадким, бесчестным в самой последней степени...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Мишура**

*Комедия в 4-х действиях Алексея Поте-
хина. Москва, 1858*

Комедия г. Потехина не получила такой популярности, какую пользуются комедии г. Львова{1}, и об этом нельзя не пожалеть. Предмет их имеет много общего; но, тогда как г. Львов довольствуется легкою пародиею, г. Потехин представляет нам комедию, имеющую серьезное значение. Если бы мы хотели подражать строгим критикам г. Львова, мы могли бы прежде всего вскинуться и на г. Потехина, зачем он идеалом бескорыстия представляет нам негодного человека. Но мы пока этого не сделаем, а просто сообщим читателям, что героем пьесы г. Потехина является Владимир Васильевич Пустоверов, советник губернского правления, обладающий бескорыстием действительно идеальным. Не брать взяток – в этом поставляет он идеал всех человеческих совершенств; брать взятки – это значит быть человеком безнравственным, гадким, бесчестным в самой последней степени. Каковы бы ни были все остальные качества человека, взявшего взятку, он достоин каторги; каковы бы ни были все остальные качества человека бескорыстного, он не может не быть человеком превосходным, дела-

ющим честь человеческому роду. Вот весь кодекс убеждений Пустозерова. Убеждения эти, как видите, поставлены твердо и решительно, и во всей пьесе он их поддерживает на деле. При всем том мы признаемся, что давно уж, при чтении русских беллетристических произведений, ни к одному герою их не чувствовали мы такого возмущающего сердце омерзения, как к этому Пустозерову. Все эти подьячие старых времен, Порфирии Петрови-чи в другие взяточники гг. Щедрина и Печерского{2} и, с другой стороны, все эти пошлые фразеры, вроде Надимова и Фролова{3}, – ничто в сравнении с бескорыстным на деле Пустозеровым... Здесь все краски порочности и пошлости так густо и ярко наложены, что мы даже прямо можем сказать в этом случае, что автор *хотел* вывести негодяем этого бескорыстного человека. На это намекает и самое название комедии: «Мишура». С первого явления до последнего, с каждым словом Пустозерова, отвращение к нему читателя увеличивается и под конец доходит до какого-то нервного раздражения. Это уже не случайность, это расчет таланта. И, по нашему мне-

нию, в развитии характера Пустозерова г. Потехин выказал замечательное мастерство. Так как вся интрига пьесы вертится около этого лица, то мы, не рассказывая предварительно ее содержания, прямо и займемся этим характером.

Начинается действие в кабинете Пустозерова, убранном с претензиями, но довольно бедно. Между разными утварями комнаты нужно заметить множество ни на что не нужных безделушек и литографированные картинки, изображающие полуобнаженных женщин в разных положениях. Пред вами уже начинает рисоваться человек, несколько чувственный, мелочный, с претензиями, склонный к светскому фатовству, но удерживаемый, по-видимому, чувством долга, потому что не предается вполне своим наклонностям, а живет *бедно*, – значит, взяток не берет. С первых же слов своих он не замедлит оправдать впечатления, производимого его кабинетом. Слуга его Андрей, несколько глуповатый и необтесанный парень, входит и поздравляет Пустозерова с днем рождения. Пустозеров говорит, что это глупость, дере-

венщина, патриархальность, и прогоняет Андрея. Оставшись один, он занимается созерцанием в зеркало своей особы и, между прочим, рассуждает: «В двадцать семь лет – советник губернского правления... недурно!.. А хотел бы я для сегодняшнего дня назвать Дашеньку моею». Вы ожидаете, что Дашенька – его невеста, но ошибаетесь жестоко... Вы увидите потом, что для него значит – *назвать своею*... Далее, бросая взгляд на кипу бумаг, лежащих на столе, Пустозеров держит про себя следующую речь: «Эк их сколько! Есть ли человеческая возможность все это прочитать... и за 900 целковых жалованья!.. Высокое наслаждение чувствовать себя бескорыстным; для этого чувства я готов все перенести, готов умереть; но и существовать на 900 целковых, в пору самой пылкой молодости... поставленному на вид у целой губернии, развитому и образованному человеку, видеть беспрестанно возможность обогатиться и отталкивать постоянно все соблазны с презрением: это не последний подвиг».

Монолог этот рисует нам Пустозерова во всей низости его бескорыстия. Во-первых, он

жалуется, он сожалеет о своем бескорыстии и тем уже приближает себя к пошлости Фролова. Затем он высказывает, что служба для него все-таки важна как средство обогащения. Он говорит, что за 900 целковых не стоит читать всех этих бумаг, значит, он служит не для пользы, а для жалованья. И во имя чего этот господин так утвердился на своем бескорыстии? Есть ли у него то внутреннее благородство, которое заставляет человека чувствовать инстинктивное, естественное отвращение к взятке, как и ко всякому воровству? Нет; из слов его видно, что ему дорого стоит обуздать в себе стремление к воровству; он только сдерживает свои влечения отвлеченным принципом и гордится этим... гордится тем, что не крадет!..

Второе явление представляет критическую минуту, долженствующую показать во всем блеске этого чиновника, бескорыстного по принципу. Пустозеров назначен на следствие, для открытия злоупотреблений по винному откупу, и к нему является поверенный одного из откупщиков, с толстым пакетом. На вопрос Пустозерова: «Что это такое?» поверенный от-

вечает: «Сумма, достойная вашего высокоблагородия». Бескорыстный Пустозеров приходит, разумеется, в ярость и кричит: «Так твой хозяин надеется подкупить меня, купить у меня правду и *долг службы?* Да как ты осмелился, *борода*, как осмелился твой мерзавец хозяин подумать подкупить чиновника, *которому доверяет губернатор, о бескорыстии и неподкупности которого знает вся губерния?*» Затем Пустозеров хочет упрятать поверенного в полицию и посылает Андрея за кварталным; в это время поверенный скрывается. Оставшись один, Пустозеров не может не сказать себе молодца за свой поступок. «А соблазн был не мал, – говорит он, – пакет порядочный... знали, к кому шли». «О, как бы можно было обирать этих мошенников, если бы захотел», – прибавляет он с горечью... Размышления его прерываются приходом Потапа Егорыча Зайчикова, секретаря градской думы в уездном городе. Наслышавшись о благородстве Пустозерова и о том, что губернатор ему доверяет, старик Зайчиков просит заступиться за него пред губернатором. Сначала Пустозеров говорит старику о сыне его, кото-

рый служит в губернском правлении очень хорошо, только иногда позволяет себе некоторые выходки: «То из присутствия уйдет прежде времени, то не явится вечером... под тем предлогом, что дело свое сделал... Да ведь порядок нарушает... Ну, и формы не соблюдает иногда даже умышленно... Конечно, смешно, что какой-нибудь столоначальник рассуждает об установленном и уже существующем порядке, а между тем это может повредить его служебной карьере». Вот и понятия бескорыстного человека о долге и цели службы высказались перед нами... Не правда ли, это прибавляет довольно резкую черту к его характеру? Далее Пустозеров спрашивает Зайчикова, сколько у него детей, и узнает, что шестеро, кроме старшего; узнает и то, что жалованья в год Зайчиков получает 85 рублей серебром с копейками. Наконец, доходит и до объяснения просьбы Зайчикова. Объяснение это довольно оригинально, и мы его выпишем:

Как изволили их превосходительство (говорит Зайчиков) в последний раз на ревизию ездить... изволили поехать ин-

когнито, никто ничего не знал; приехали вдруг в наш городишко, и прямо по присутственным местам. Я только что успел сбегать домой, мундиришко натянуть, перепыхался совсем по старости лет, а они уж и к нам пожаловали. Изволили войти и прямо на меня оборотились, а я и от попов-то и от страху, что наслышался об ихней строгости, духу не могу перевести, даже язык к гортани присох, в горле стеснение сделалось. Посмотрели на меня и спрашивают: «Ты секретарь?» Только я голосом знак подал, а язык даже не проговорил и ихнего чина не произнес. Посмотрели этак на меня и на мундиришко мой, а он уж, правда, старенек же был, да и спрашивает: «Сколько лет у тебя мундиру?» И опять я не мог дать ответа: мну, мну языком, – не говорит. Тут опять посмотрели на меня их превосходительство и изволили сказать: «И видно, говорят, у кого совесть-то нечиста». Пошли в присутственную комнату, не понравилось убранство. «Кто, спрашивают, канцелярскую сумму расходует?» Голова отвечает, что секретарь.

Стали они тут на меня гневаться, что канцелярскую сумму будто бы себе в карман кладу; а велика она, – извольте справиться: только бы на бумагу да на свечи стало; нынче же бланки и книги все с печатными заголовками приказано иметь; откуда тут на убранство взять?.. Мне бы все это изъяснить, а ужась меня обуяла: язык точно деревянный. Тут стали ревизию производить, а у меня за два последних дня и журналов не выведено: потому – общество у нас маленькое, делов никаких не было... Конечно, для порядку следовало бы поверстать из других ден, да ведь не знали и ничего не слышали, что скоро будет ревизия. Так этим разгорячилось их превосходительство, что все уж тут стало не по них: в архиве порядок не понравился, у одного служащего сапоги худые на ногах усмотрели, спросили у меня, который мне год; на беду язык проговорил, что 65 лет, и это им обидно показалось, зачем до таких лет службу продолжают, что хотя разуму я и лишился, но в лихоимстве будто бы и купцов обирать понятия не потерял.

Конечно, против их превосходства я к сердцу этих слов принять не осмелился, потому что заслужил, хотя и не чувствую себя в том виновным, как перед истинным богом говорю; но полагал, что их превосходство погневаются, да и рассудить изволят, не думал того, что вдруг меня постигло: вместе с распоряжениями по ревизии пришло от их превосходства предписание, чтобы я немедленно подал в отставку. Войдите в мое положение, ваше высокоблагородие, на вас одних надежда.

Этот рассказ показался нам очень типичным. Как ярко рисуется в нем этот забитый, покорный добряк, ни о чем не смевший думать самостоятельно, не имевший никогда ни одного высшего интереса в жизни, ограничивший себя своей узенькой и грязноватой сферой, добрый человек по привычке, взяточник по привычке, благоговеющий пред губернскою властью – по привычке!.. Он сознает себя виноватым, что для порядка не вывел в журнале дел, когда дел не было, но оправдывает себя тем, что ведь он не знал, что ре-

визия будет... Сколько бессознательной, но горькой иронии слышится в этих словах его, и какой смиренный, но мрачный, вопиющий протест представляет он своим несвязным рассказом против *их превосходительства*, карающего лихоимство в образе старого секретаря градской думы! Слова Зайчикова вполне выказывают его и должны пробудить сострадание к его добродушной глупости во всяком порядочном человеке. Но не так принимает их Пустозеров. Когда Зайчиков просит его о защите пред губернатором, он спрашивает: «Так вы считаете генерала несправедливым?» Ответ, разумеется, такой: «Осмелюсь ли я только подумать!..» Затем Пустозеров составляет следующий силлогизм: «Значит, вы хотите, чтоб я покривил душой, прося губернатора изменить правильное распоряжение?» Зайчиков говорит, что он просит только милости, потому что иначе ему существовать нельзя. Пустозеров возражает, что, во-первых, служба не богадельня, а во-вторых, старик выслужил пенсию, равную жалованью; следовательно, если на жалованье жил, то и на пенсии может жить. Старик, конечно, при-

знается, что он получал доходы, хотя никому не оказывал притязания, брал, что принесут, как милостыню. «Купцы меня без души любят, – говорит он, – а если б я от них не получал, так не то что в университете сына содержать, а и грамоте-то детей не на что было бы выучить». Стоик наш вопрошает очень решительно: «И гораздо бы лучше вам было оставить их неучами, нежели образовывать на незаконно нажитые деньги. Всякий чиновник должен жить на те средства, которые ему дало правительство, а тот, который позволяет себе побочные доходы, не может быть терпим на службе». Зайчиков продолжает умолять о защите и пощаде; непоколебимый герой отвечает, что хлопотать за взяточника с его стороны было бы низко. Зайчиков, истощив все просьбы, обещается *благодарить*. Пустозеров приходит в бешенство... Зайчиков бросается на колени, с мольбой о пощаде. Оскорбленный этим в своих человеческих чувствах, Пустозеров презрительно говорит: «Дворянин – на коленях!.. не позорьте своего звания... Это гнусно...» – и прогоняет от себя старика.

Мы нарочно остановились подольше на

этой сцене, резко выказывающей, как много сухости, эгоизма, бесчеловечия в этом идеале бескорыстия, как много мелочности и формальности в самых его понятиях о долге. В этом разговоре, где он, собственно говоря, прав и добродетелен, где он и умом, и честностью, и своими понятиями, кажется, далеко превосходит Зайчикова, ничье человеческое сочувствие, однако же, не обратится, вероятно, к нему. Напротив, он представляется нам гнусен и низок даже пред этим жалким Зайчиковым.

По уходе старика являются частный пристав и секретарь правления. Частному поручает он отыскать поверенного, предлагавшего взятку, а с секретарем, Анисимом Федоровичем, толкует о делах и, между прочим, о том, что вице-губернатор не соглашается на предание суду двух исправников за медленность в очищении недоимок. Секретарь говорит, что за это суду-то предавать, собственно, и нельзя по-настоящему; но Пустозеров заставляет его замолчать, говоря, что уж тут толковать нечего, — это генерал приказал: «Генерал непременно хочет, чтобы все недоимки

к Новому году были очищены во что бы то ни стало». При этом случае он ругает вице-губернатора и обещает секретаря защищать против него в случае надобности. Секретарь уходит; вслед за ним является помещик Золотарев. Встретившись с секретарем, он начинает разговор с него и замечает, что это великий мошенник. Оказывается, что Пустозеров об этом знает и что даже губернатор хотел выгнать Анисима Федоровича. «Но я заметил, – говорит Пустозеров, – что он отличный делец, и упросил губернатора оставить его; он может быть очень полезен для службы, только его надобно держать в руках». В этом объяснении бескорыстный герой наш оказывается не совсем верным своему принципу; но мы скоро увидим, что у него на этот раз были особенные побудительные причины такой непоследовательности. Теперь же пока он опять является героем, потому что Золотарев приехал просить его опять за откупщика, с которым он в доле в откупе. Пустозеров не соглашается ни под каким видом – ни замять дело, ни даже передать другому следователю, хотя Золотарев оказывается диалектиком очень

ловким. Разговор прерывается приездом к Пустозерову его дяди и тетки, у которых он воспитывался, которых звал отцом и матерью, но которых теперь стыдится, как степняков, диких и необразованных. Ничего не подозревая, они лезут к нему в объятия, грубо хохочут, бесцеремонно рекомендуются гостю и начинают сообщать некоторые подробности своего домашнего быта. Пустозеров, в крайнем смущении, извиняется пред Золотаревым; он опозорен, уничтожен, он не знает, как бы смыть это страшное пятно, которым заклеяла его любезность родственников. Золотарев, смекнув, в чем дело, говорит ему: «Вполне понимаю ваше положение и, если угодно, оставляю для одного себя тайною вашу радость. Но как же ваше согласие?» Полный душевного смятения, Пустозеров немедленно соглашается передать дело другому следователю и, проводив Золотарева, начинает говорить грубости дяде и тетке. Те оскорблены и объявляют ему, что приехали было с радостной вестью о получении, вместе с ним, в раздел наследства от тетушки и что свою часть хотели ему отдать, но что теперь уж он от них

ничего не увидит. Пустозеров поражен; он уже называет тетушку маменькой, как бывало, он хочет удержать ее с дядей, но они оставляют его. Он бежит вслед за ними, восклицая: «Что за несчастье! А в городе-то что будут говорить!»

Здесь кончается первое действие, обрисовывающее, как нам кажется, очень ярко характер Пустозерова и заставляющее ожидать от него всевозможных низостей в продолжение пьесы. Но для читателя не ясна еще нить завязки всей пьесы, еще не видно, к чему идет весь этот очерк. Предметов, на которых пробуется и высказывается Пустозеров, так много, все они подобраны случайно и почти ничем между собою не связаны; который же из них будет развит и проведен в дальнейшем ходе комедии? Судя по первому акту, читатель вправе думать, что завязка заключается в деле откупщика, так как им занята большая половина этого акта. Но второе действие показывает не то. Дело об откупщике остается посторонним, незначащим эпизодом в пьесе и, нужно полагать, искусственно введено автором только для того, чтобы дать случай

сразу выказаться бескорыстною Пустозерова. Искусственный прием этот несколько вредит общему впечатлению, потому что в следующих актах читатель все ждет: что же дело об откупщице? И ничего не дождется. Второе действие происходит у секретаря – Анисима Федоровича. Начинается оно разговором секретаря с Пурпуровым, становым приставом, которого Пустозеров хочет отдать под суд, по жалобе мещанки Петровой на медленность производства следствия о покраже у ней имущества на 25 рублей. Становой пристав далеко не является здесь в том блеске могущества и великого значения для человечества, как является он в устах несравненного Фролова. Он приехал к секретарю с просьбой, нельзя ли как-нибудь удалить нерасположение к нему Пустозерова. Нерасположение это считает он следствием мести исправника, которого начальство считает, по его словам, бескорыстным за то, что он раскольникам не потакает. А он между тем «приедет в какой-нибудь раскольничий дом в ночное время с обыском, перепугает всех, – одна старуха даже через этот испуг смерть получила, – оберет

там все книги и образа запрещенные, да и говорит: «Вот, говорит, коли хотите, чтобы все оставил и не открывал, так деньги дайте, и напишу, что ничего не нашел». Те, известно: бери что хочешь, только их святости не тронь. Так он деньги-то возьмет, а образа-то и книги все-таки представит». Начальство хвалит за такое рвение по службе, но Пурпуров считает такой образ действий – низостью, Анисим Федорович, кажется, то же думает, хотя и завидует такой отважности и твердости души исправника. Он видит, что это выгодно, но у него на такую штуку духу *не хватает*, что, впрочем, не мешает ему признавать исправника ловким и умным человеком. На замечание Пурпурова, что раскольников преследовать действительно полезно, он говорит: «Выгодную статью делает для нашего брата чиновника: кто хочет – получай деньги, а кто не хочет денег – чины. А кто половчее да поумнее, так тот и деньги и чины получать может, как ваш исправник». Вследствие таких рассуждений Анисим Федорович, как самое верное средство поставить себя на вид у начальника с хорошей стороны, рекомендует

Пурпурову отыскать где-нибудь и представить раскольников, и особенно, если можно, какую-нибудь старую девку-начетчицу. Нужно подкараулить их во время сходки, оцепить, схватить, представить со всем, что найдется; можно даже выдумать новую секту, а ее – как главную сектантку...

Становой схватывается с жаром за эту мысль и действительно через неделю представляет раскольницу с книгами и образами. Пустозеров сознается (в третьем акте), что ошибался в нем... Разговор секретаря с становой, вовсе не относящийся к ходу пьесы и довольно длинный, пробегается, однако, с любопытством, потому что он раскрывает перед нами домашние сделки двух чиновных властей. Становой и подличает, и пускается в откровенности, и подкупает секретаря. Между прочими рассказами становой выражает свое *profession de foi*[1] относительно своих служебных обязанностей. Он, видите ли, находится, как и всякий становой, в зависимости от помещиков и должен им представляться, являться по их требованию, охранять их интересы и т. п., все, что делает каждый стано-

вой, не исключая идеального Андрея Фролова, если припомнит читатель. Что же касается до странного требования, недавно возникшего от высших властей, насчет ограждения мужиков, то на этот счет становой ничего не может сделать, потому, во-первых, что их в стану 27 тысяч, а во-вторых, потому, что через это надо войти в противоречие с другими интересами, а это становому не по силам. Да Пурпуров и не понимает надобности такого противоречия, подобно пресловутому Фролову. Он говорит:

Над мужиком какая нужна распорядительность? Чтобы он был тих, покорен, не возмечтал о себе, кулак да плеть нужна на него... Коли в строгости он содержится, не дает ему становой потачки, вот и порядок в стану, вот и распорядительность вся, чтобы он голоса не смел подать, потому – знал бы, что он есть мужик... А вот у кого должно спросить начальство, распорядителен ли я? – У помещика. Становой постановлен для ограждения помещиков, у них и спросите про меня, так уж я знаю, что ни один на

меня не пожалуется. Кто усмирил в самом начале возмущение крестьян против помещика Летаева? Я! Кто отыскал троих беглых дворовых людей помещика Отрубкина? Я!.. Кто поймал воров, что обокрали полковника Шапина? Я же ведь... Так разве это не распорядительность? Да на меня теперь ни один господин не пожалуется, чтобы я не занялся, не приказал при себе отодрать последнего лакеишку, которого пришлют ко мне для наказания... Так вот бы на что должно было начальство обратить внимание... Как еще служить – не знаю.

В разговоре с Пурпуровым разворачивается и характер Анисима Федоровича; он берет взятки с станового, научает его, как надуть начальство раскольниками, обнаруживает полное знакомство со всеми плутнями подьячества и выражает неудовольствие новым бескорыстным направлением. Но вслед за тем оказывается, что он – нежный отец, всем готовый пожертвовать для счастья единственной дочери. Дочь эта – не кто иная, как Дашенька, которую Пустозеров хотел бы на-

звать своею... Она же составляет и причину, почему Анисим Федорович, по просьбе Пустозерова, удержался на своем месте. Проводив Пурпурова, секретарь разговаривает с дочерью о Пустозерове. Содержание разговора вот какое: «Не доверяй ему очень: ты девушка умная, должна понять, что он ходит сюда так часто не для меня, а для тебя... Ну, и пусть ходит: от этого моя служба зависит... Только смотри, чтобы больше ничего не было... Он нашим не будет. Если бы мы и захотели этого, так он не захочет; ну, и будь осторожна. Нам бы только провести время, пока он здесь служит; а ведь его, разумеется, скоро в Петербург переведут...» При этих словах Дашенька бледнеет и говорит отцу: «Ну, а что, если я привыкну к нему, да так, что умру без него?» Анисим Федорович пугается и говорит, что не с тем заставляет ее ласкать Пустозерова... что дочь для него дороже всего... «А если что у тебя на душе, ты лучше скажи мне... Я и службу брошу и его прогоню», – восклицает он. Но дочь успокаивает его, уверяя, что пошутила, и он снова просит ее быть любезной с Владимиром Васильевичем Пустозеровым.

Читатель видит, что Анисим Федорович, при всей своей опытности в приказном плутовстве, принадлежит еще к числу мелких мошенников и что человеческие чувства не совершенно заглохли в нем. Он вовсе не торгует своей дочерью; он пугается даже мысли о серьезных последствиях сношений Пустозерова с Дашей. Сближая их, он просто употребляет военную хитрость; поведение свое в этом случае, как оно ни мерзко, он считает так... шалостью, шуткой, очень позволительной. Он, при всем своем плутовстве, не постигает, какой вид получают эти шутки у господ Пустозеровых.

Пустозеров является к Анисиму Федоровичу и, между прочим, сообщает ему копию с завещания своей тетки о разделе наследства. При этом он говорит: «Кажется мне, воля умершей незаконна, и имение не может быть разделено, а должно следовать мне одному». Анисим Федорович обещает рассмотреть эту бумагу и уходит в правление для вечерних занятий; Пустозеров остается с Дашенькой. Он объясняется с ней очень смело и бесцеремонно, как будто продолжая давно начатое и ча-

сто повторяемое объяснение в любви, с требованием ответа. Дашенька уклоняется от объяснений; он объявляет, что скоро уедет навсегда; она бледнеет, но говорит ему только: «Счастливым путем». Ни малейшего внутреннего одушевления, ни следа страсти не проявляется в Пустозерове; видно только мелкое самолюбие человека пустого и чувственного. Он играет словами, позволяет себе вольности, нагло пристаёт с прямым вопросом: любите ли вы меня, – и после уклончивых ответов несколько раз повторяет его, а потом тотчас преспокойно говорит, что три дня, в которые не видал Дашеньку, он провел очень весело в обществе молоденькой и хорошенькой вдовушки. Объяснение *влюбленных* прерывается приходом Зайчикова-сына, которого Пустозеров встречает вопросом: как он зашел сюда? «Да той же самой дорогой, что и вы, Владимир Васильевич», – отвечает Зайчиков. «Отчего вы не в правлении?» – «Да нечего делать там...» Пустозеров начинает читать Зайчикову наставления; Дашенька прерывает его и говорит, что Зайчиков пишет повесть и уже читал ей несколько глав, которые ей очень

нравятся. Пустозеров оскорбляется и начинает говорить колкости Зайчикову и Дашеньке. Зайчиков отвечает запальчиво, резонерствует и рисует поведение Пустозерова в следующих чертах, отрицательным образом: «Я же- лал бы, – говорит он, – чтобы в людях, обле- ченных властью, было побольше сердца, что- бы они умели отличать настоящее зло от ка- жущегося, чтобы умели ценить людей, кото- рые служат сорок лет, никого не обижая, не притесняя, окруженные любовью и доверием всех близких к ним людей, чтобы не пускали по миру целую семью за то только, что глава, ее вскормивший, вырос и воспитался на иных убеждениях, а умели бы оценить в нем настоящую честность, хотя и не согласную в формах с их собственной». Ясно, что Зайчи- ков упрекает Владимира Васильевича за свое- го отца; но герой сей невозмутим в величии своих бескорыстных принципов. Он советует Зайчикову не совать своего носа в распоряже- ния высших, чтобы самому не быть выгнан- ным. Зайчиков ссорится с ним и уходит. Да- шенька выражает свое сожаление, что Пусто- зеров так с ним обходится, и влюбленный ге-

рой наш вдруг проникается нравственным чувством, говоря, что понимает ее отношения с Зайчиковым и только удивляется, как может отец смотреть на это равнодушно. «Да разве тут есть что-нибудь непозволительное?» – с изумлением спрашивает Дашенька, «О, помилуйте, – насмешливо отвечает он, – возвышенные, высокие чувства!.. Что же иное может питать душу поэтов?..» В заключение своих колкостей он объявляет Дашеньке отставку, как объявляют наемному лакею: «Вы не умели ценить меня, вы меня дурачили, предпочли мне первого встречного мальчишку... Ну, так прощайте...» В это время входит Анисим Федорович с известием, что дело по завещанию можно повернуть в пользу Пустозерова. Он сухо отвечает: «Хорошо-с!» – и грозно уходит. Анисим Федорович спрашивает дочь, за что он рассердился; та говорит: «Не знаю». Отец горько упрекает ее и с отчаянием восклицает: «Ах, Дарья, Дарья! что теперь будет!..»

Беспокойство его оправдалось. В начале третьего акта он бранит дочь за все неприятности, какие, по ее милости, должен теперь

выносить от Пустозерова. «Бывало, говорит, на все сквозь пальцы смотрел, а теперь каждое присутствие неприятности да выговоры. А все из-за твоего каприза». Дашеньке только тут вполне объясняется, что она служила ширмами для взяточничества отца. Но открытие этого обстоятельства только сильнее пробуждает ее любовь. Она говорит себе: «Так он это для меня держал моего отца на службе... он, бескорыстный и благородный! А я еще сомневаюсь в его любви ко мне!..» Заключение это, если хотите, не делает чести ее чувствам; но что же делать? Нельзя назвать его невозможным. Дашенька пугается только одного: что, если *он* подумает, что и она в заговоре с отцом и только нарочно кокетничала с ним? Это ужасно для ее любящего сердца... В этих размышлениях застаёт ее Зайчиков, и между ними происходит объяснение. Он открывается ей, что ее любит и что знает ее любовь к Пустозерову, но что это человек скверный, недостойный, что он и ее ищет только для удовлетворения своего самолюбия, что он ухаживает за пожилой вдовой, что из мести преследует и отца Дашеньки и

самого Зайчикова и пр. Дашенька ничего не хочет слышать и на все отвечает, что она ненавидит и презирает тех, кто говорит дурно про ее милого. Их объяснение застаёт Анисим Федорович и прогоняет Зайчикова, который тут же, кстати, объявляет, что завтра подает в отставку. Затем Анисим Федорович объясняет дочери, что он чуть не на коленях просил прощенья у Владимира Васильевича и что тот обещался сегодня опять к ним приехать. Повторивши дочери, чтоб она была любезна, Анисим Федорович уходит.

Заставши Дашеньку одну, Пустозеров начинает разговор как победитель; он улыбается и говорит так, что в нем просвечивает какое-то животное сознание силы, какая-то кошечья игра с мышью. Начинает он насмешками над любовью Дашеньки к Зайчикову и доводит ее до слез и до напоминания ему о том, что он недавно еще уверял ее в любви. На это напоминание он отвечает: «Да, я не отказываюсь от своих слов, но... быть соперником Зайчикова – не могу; быть игрушкой вашего каприза – тоже не могу. Это не моя роль». Она просит у него прощенья и признается в своей

любви...

В четвертом акте Пустозеров собирается в Петербург. Матрена, горничная Дашеньки, рассуждает об этом с Андреем в квартире Владимира Васильевича. «Так, значит, наша барышня, – говорит она, – так и останется... ни при чем?..» Андрей отвечает: «Вам лучше знать, при чем останется», – и оба смеются. «А молодец... ловок! дельцо свое обделал», – замечает Матрена, и они продолжают сальничать насчет обманутой девушки. Вскоре является сам Пустозеров и велит Андрею поскорее укладываться. «Убраться бы отсюда поскорее, – говорит он сам с собой. – Надоел мне этот проклятый городишко. Одного жаль: Доротею. (Так зовет он Дашеньку.) Ну, что делать: сама виновата... Такой страстной натуре, как ее, нельзя не поддаться... Тут никто бы не устоял. Жениться на ней? А карьера, а служба, а общественная польза, для которой живу? Тесть – взяточник... Нет, это невозможно!.. (Задумывается.) Э, да утешится... поплачет и перестанет... Тот же Зайчиков женится. (С усмешкой.) Бессмертным писателям всего приличнее поправлять ошибки смертных лю-

дей... (Ходит, насвистывая.) А жаль ее, бедняжки... Взял бы с собой, если б не пугали последствия».

Эти омерзительные рассуждения прерываются Золотаревым, тем самым помещиком, который просил Пустозерова о следствии в первом акте. Золотарев приехал проститься с ним, и оказывается, что Пустозеров получил место в Петербурге по его ходатайству. Владимир Васильевич благодарит его, но Золотарев возражает: «Помилуйте, что за благодарности: я только уплатил вам мой долг. Вы исполнили мою просьбу, следовательно, дали мне займы; я сделал для вас, следовательно, расплатился; затем мы квит и друг другу ничем не обязаны». Это – прямое объяснение, что место, выхлопотанное для Пустозерова, заменяет взятку, от которой он отказался. Но он не замечает или не хочет замечать этого и с улыбкою отвечает на объяснение Золотарева: «Ваша философия проста и удобопонятна». Проводив Золотарева, Владимир Васильевич говорит сам себе: «Он прав совершенно. Если бы все рассуждали так, как он, то бескорыстие и честность на службе никогда бы не

оставались невознагражденными, как это иногда случается».

На этом успокоительном размышлении бескорыстного человека могла бы и кончиться комедия. Но автор хотел до дна исчерпать гадость этого человека, хотел казнить его до конца, без всякой пощады, и он прибавил страшную сцену, служащую каким-то саркастическим апофеозом чувственного эгоизма, выставляющую пошлость и подлость человека в каком-то сатанински-безобразном величии. К Пустозерову является Дашенька, ушедшая вечером, тихонько от отца, чтобы удержать любимого человека или уехать с ним. Она объявляет прямо и просто, что не может остаться без него. А он отвечает ей: «Послушай, душа моя, ты не понимаешь жизни. Как мне взять тебя? Ну, узнает твой отец, вступится: я могу испортить карьеру, потерять службу». Затем он, не слушая ее молений, старается ее поскорее выпроводить. «Дома, говорит, тебя хватятся, ты погубишь себя». – «Я давно уже погибла», – грустно отвечает она на эту предупредительную заботливость. Тут неожиданно врывается в комнату Зайчиков, вы-

пивши. Дашенька прячется за ширмы. Пустозеров старается выпроводить Зайчикова. Но тот, в исступлении, схватывает его за руку и начинает декламировать ему анафему. Происходит следующая сцена:

ЗАЙЧИКОВ. Погоди, герой честности и бескорыстия, ты должен выслушать меня; я пришел сказать тебе спасибо за то, что ты чуть не убил моего отца, разорил мою семью, помешал мне быть ей полезным, почти выжил и меня из службы... Ведь отец пешком притащился сюда, узнавши, что я вышел в отставку; он меня винит в этом, называет сыном неблагодарным... Стой!.. Еще это не все. Ты держал при себе известного взяточника секретаря, а для чего? Для того, чтобы соблазнить его дочь, прекрасное, чистое создание. И ты достиг этого, подлец. Я все знаю. Страхом изгнания из службы ты заставлял отца потворствовать вашим отношениям. Ты увлек, ты погубил ее, неопытную.

ДАШЕНЬКА (выходя из-за ширм, быстро подходит к Владимиру Васильевичу и обнимает его). Вы врете: он ни в чем

не виноват, я сама полюбила его.

ЗАЙЧИКОВ (отскакивает в изумлении). Дарья Анисимовна, вы ли это? Где вы? Он задавил в вас и стыд и совесть.

ДАШЕНЬКА. Вас никто не просит быть моим защитником и принимать во мне участие; вам давно сказано, что я не люблю вас, ненавижу и люблю только его одного. Чего вам еще нужно?

ЗАЙЧИКОВ (в исступлении). Га! Так пришло время мести; пришло время наказать этого мерзавца и вашего отца, который жертвует дочерью из корыстных целей... Оставайтесь же здесь, я сейчас приведу сюда вашего отца. (Убегает.)

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ. Ах, Дарьюшка! Боже мой, что за несчастье! Уходите домой поскорее... ради бога! Андрей, готовы ли лошади?

АНДРЕЙ (из дверей). Лошади у крыльца!

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ. Выноси чемоданы проворней. Живо!.. Доротей!.. Уйдете ли вы? Чего вы еще дожидаетесь?

ДАШЕНЬКА. Так разве ты и теперь не

возьмешь меня?

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ. Да разве ты не понимаешь, что это невозможно? Чего ты хочешь? Чтобы погоня, что ли, была за нами, скандал сделать? Что это такое? Это невыносимо.

АНДРЕЙ. Пожалуйте. Готово.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, прощай, ради бога, прощай. Я скоро опять приеду.

ДАШЕНЬКА (на коленях). Вольдемар, не оставляй меня! Подумай, что со мной будет! (Обнимает его колени.)

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ (освобождаясь). Боже мой! говорят: это невозможно. Ты просто сумасшедшая. Или уходи скорее, или оставайся здесь. Я уеду. Что это такое? Вот ад! Вот казнь! (Идет к дверям.)

ДАШЕНЬКА (ломает руки). Пусть же мое проклятие преследует тебя всю жизнь, на каждом шагу... Господи!.. (Всплескивает руками, рыдает и преклоняется к полу.)

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ (приостанавливается у дверей, оглядывается на Дашеньку). Я столько же страдаю, как и ты, а наслаждались мы равно. (Машет

рукой и уходит.)

Через несколько минут слышен звон колокольчика.

ДАШЕНЬКА (вздрагивает и подымается на ноги). *Уехал... Все кончено.* (Медленно, пошатываясь, идет к дверям.)

Такова заключительная сцена пьесы. Не знаем, с каким чувством прочтут ее читатели, но в нас она возбудила такое тяжелое, ожесточенное чувство раздражения, от которого мы долго не могли освободиться. Надо отдать честь автору: он умел соединить в своем гетерогенном столько гадостей, самых ужасных и отвратительных, что при одном воспоминании о нем душу воротит. Говорить о нем хладнокровно нет ни малейшей возможности.

Уже по одному развитию этого характера, на которое мы почти исключительно обращали внимание при пересказе содержания пьесы, читатели видят, что пьеса г. Потехина есть произведение, замечательное по своей силе. Но – сила ее только и заключается в развитии характера Пустозерова до последних степеней возможной для человека мерзости.

Вся же вообще комедия отличается значительными недостатками.

Мы проследили всю пьесу очень подробно, не пропустив почти ни одного явления, и сделали это потому, что «Мишура», хотя и помещена была в «Русском вестнике»{4}, столь распространенном в публике, но как-то мало обратила на себя общее внимание и вскоре по своем появлении была забыта{5}. Теперь, при отдельном издании ее, мы сочли своей обязанностью напомнить о ней читателям и, чтобы не утруждать их память, решились сначала проследить весь ход пьесы. Сделавши это, мы можем сократить дальнейший разбор ее и ограничиться беглым указанием ее недостатков. Главный недостаток ее в художественном отношении, конечно, тот, что она вся поставлена на пружинках, которые автор произвольно приводит в движение, чтобы выказать ту или другую сторону характера своего героя. Каждая сцена, взятая отдельно, очень умно, резко и драматично составлена; но множество сцен не имеют ничего общего с ходом всей комедии. Зачем, например, дядя и тетка являются в первом акте?

Зачем становой – во втором? Зачем длинный разговор Дашеньки с Матреной – в третьем? Их можно выкинуть, и пьеса все-таки может идти своим чередом; только одной пошлостью и подлостью будет меньше в характере Пустозерова. Можно даже весь первый акт выкинуть и начать пьесу с третьего явления второго акта. Прибавкою нескольких строк в последующих сценах можно заменить все, что высказано впереди существенно необходимого для пьесы. Только характер Пустозерова не обрисуетя так ярко. Для этого-то характера и *сочинены* все предыдущие сцены. Они плохо вяжутся между собой и не вытекают ни из какой разумной необходимости. Точно так, как можно выкинуть первый акт, можно и еще прибавить впереди один акт, в котором собрать новые доказательства низости Пустозерова. И эти новые сцены могут быть связаны с ходом комедии, не меньше по крайней мере, как и явление поверенного от откупа, помещика Золотарева, дяди с теткой и станового пристава. Какое участие в пьесе принимают все эти лица? Золотарев, правда, выхлопывает место Пустозерову, в отплату

за его услугу, и, таким образом, делается виновником развязки, то есть удаления Владимира Васильевича в Петербург. Но ведь и это опять случайность, вполне зависевшая от воли автора. Пустозеров – такой господин, что он давно метит в Петербург, и он легко мог получить там место и без ходатайства Золотарева. Но тогда бы не было этой *взятки*, которую Пустозеров берет от Золотарева. Для того чтоб вывести это, прибавлено несколько лишних сцен к пьесе. Вообще ход ее сочинен на заданную тему. Все действующие лица приходят, говорят, уходят без всякой собственной, разумной необходимости, затем лишь, чтобы дать высказаться Пустозерову. Анисим Федорович беспрестанно убегает в правление, чтобы дать Пустозерову выказать читателям характер своих отношений с Дашенькой, – и чрез пять минут возвращается, чтобы прекратить их разговор и выказать Пустозерова с служебной точки зрения. Зайчиков-отец затем является, чтоб показать мелочность, узость и бесчувственный эгоизм Пустозерова, хотя ему бы и не след было идти с просьбой к этому человеку: он мог узнать о

нем от сына, который, как видно, хорошо его понимает. Зайчиков-сын нарочно спешит окончить дела и некстати явиться к Дашеньке, когда ее отец сидит в правлении, – для того, чтобы опять-таки дать случай выказаться Пустозерову. Не говорим уже о дяде и о станом, которые самым существованием своим обязаны желанию автора – во что бы то ни стало ошельмовать Пустозерова со всех концов. Признаемся, цели своей он достиг, но достиг как диалектик, как моралист, как юридический обвинитель, но не как художник. Самый характер Пустозерова развит действительно с замечательным искусством. Каждое слово его и каждое слово о нем рассчитано в пьесе изумительно ловко. Наш пересказ не мог, разумеется, передать читателям всей гнусности Пустозерова в такой силе, как она является в самой пьесе; и при самом чтении комедии гнусность эта все еще не является так живо и сильно, как она выкажется на сцене, в игре даровитого актера. Но, признавая за г. Потехиным мастерство исполнения, мы опять-таки должны заметить, что мастерство это, по нашему мнению, ограничивается диа-

лектическим процессом. Выдумать огромную помойную яму, из которой бы с самым отвратительным зловонием выглядывали всевозможные гадости современной общественной жизни, – кроме только *взятки*, в самом теснейшем значении этого слова, – и олицетворить эту помойную яму в образе Пустозерова, – вот чего, по-видимому, хотел автор, и этого он достиг. Мелочность, претензии, фатовство, эгоизм самый грубый, служебная формалистика, наглая надменность, сухость сердца, любостяжание (в деле о наследстве), неблагодарность, мелкое честолюбие, сладострастие, отсутствие всяких понятий о правде, чести и совести, наконец, мерзость выше всякого названия, выказанная в последней сцене, – вот что представляется нам в лице Пустозерова, и представляется очень ловко. Но нам кажется, что такой характер ложен в самом своем основании. Подобное соединение всех пороков и гадостей слишком уж идеально; оно невозможно на деле. По некоторым словам Зайчикова (который, по-видимому, является Правдиным или Стародумом всей пьесы) можно подумать, что автор хотел

изобразить в своем герое эгоиста, который водится только рассудочными, формальными убеждениями, у которого все головное, а не сердечное. От этого и проистекают все его гадости. В большей части сцен Пустозеров действительно является таким, и при этом очень удачно рисуется то обстоятельство, что его и рассудок-то плох и понятия-то узки и поверхностны. Он отвергает взятки, но принимает ходатайство Золотарева; он преследует взяточников, но держит при себе Анисима Федоровича, который говорит в одном месте, что он Пустозерова и весь его доход к рукам прибрал; он хвастается бескорыстием и добивается наследства, так как ему кажется, что воля умершей незаконна; он говорит о долге службы и тут же выражает, что о законе толковать нечего, когда генерал приказал; вообще он хлопочет не о деле, а о форме. Такой господин, отчасти глуповатый и оттого непоследовательный, очень естествен и нередко встречается. Но такое отсутствие всякого стыда, всякой совести, всякого увлечения сердечного – вот что мудрено в человеке. Мы даже считаем это невозможным. Хоть бы в любви-то

увлекся этот человек, мы бы все-таки нашли в нем хоть что-нибудь человеческое... Но нет, он холоден и бесчувствен, он только скотски хочет овладеть своей жертвой и тешит ею свое самолюбие. На другой же день после встречи с Зайчиковым он начинает теснить и его и отца Дашеньки; скажите, неужели до такой степени может простираться нахальство эгоизма? Ведь у всякого человека есть же хоть крошка совестливости; ну, сделает зло, да уже не так же круто и нагло... А последняя его выходка о Зайчикове как бессмертном писателе и фраза о наслаждении, брошенная на прощанье Дашеньке?! Нет, воля ваша, – до такого развратного цинизма, до такого отрицания всякого чувства не мог дойти даже Пустозеров в эту минуту... Ведь все-таки же он воспитывался у добрых и простых людей, учился в университете, вынес оттуда отвращение к взяткам. Возможно ли, что это убеждение до такой степени одиноко и бесплодно запало в его душу? И в этого человека, в такого, каким он представлен у г. Потехина, страстно влюблена Дашенька. Что такое Дашенька, мы не умеем определить хорошенько по комедии г.

Потехина. Сам Пустозеров называет ее страстной натурой, отец – умной девушкой, Матрена – скрытной, Зайчиков – невинным и чистым созданием, становой Пурпуров – насмешницей. В самом деле, она является то веселой и откровенной, то насмешливой и сдержанной, то страстной и порывистой. Каким психологическим процессом могла развиться в ней такая страстная, беззаветная, отчаянная любовь к Пустозерову, автор не объясняет, и мы не можем этого постигнуть. Можно еще понять любовь страстной девушки к разбойнику, бретеру, шулеру, ко всему, в чем по крайней мере проявляется сила, в чем видно необузданное увлечение. Но нельзя понять любви к такому мелкому, сухому, безжизненному существу, как Пустозеров. Мы не смеем утверждать, что чувство это неестественно в Дашеньке, признаваясь, что мы незнакомы с тайнами женского сердца, и в особенности сердца провинциальных русских барышень. Но мы полагаем, что читательницы согласятся с нами, если мы скажем, что, во-первых, любовь Дашеньки не делает ей чести и, во-вторых, что подобная любовь, во всяком слу-

чае, есть явление исключительное, а последняя ее сцена – очень мелодраматична.

Зайчиков был бы достойнее, чем Пустозеров, любви Дашеньки; но и он, по нашему мнению, не представляет образца порядочного человека с так называемым *либеральным* направлением. Автор заметно старался выставить его лучше, нежели он есть на деле. В сущности – это не больше как человек, в котором не перебрадились еще кое-какие противоречия общественной жизни с теориями, которые он принял для себя. И вот он пускается в колкости с Пустозеровым, в мелочные придирки, намеренное фанфаронство отступлениями от принятого порядка; надеяться на него нечего, потому что он из-за оскорбленного самолюбия выходит в отставку для того, чтобы потом спиться с кругу, и главное – потому, что он собирается мстить позором любимой им девушке за то, что недостойный человек соблазнил ее... Из таких людей проку не бывает... —

Из остальных характеров пьесы обрисованы лучше других Анисим Федорович, Зайчиков-отец и становой Пурпуров. О них мы гово-

рили.

Спросим теперь: в чем скрывается основание, причина этой страшной диалектики, поражающей всеми бесславиями человека *бескорыстного*, то есть не берущего взяток? Ведь, как хотите, а окончательный вывод, поражающий читателя по прочтении пьесы, будет такой: «Так вот он, этот герой честности и бескорыстия! Вот он каков! Нет, уж Анисим Федорович все-таки лучше». Как хотите, а здесь поражается бескорыстие, и мы даже слышали обвинение против г. Потехина за то, что он своей комедией дает оружие защиты для взяточников. Обвинения эти тем сильнее, что действительно большая часть гнусностей Пустозерова тесно связана с тем, что он взятки не берет. В комедии г. Потехина можно прибавить и убавить многое, потому что она собрана и сплочена механически, но прибавить Пустозерову одну новую черту – взяточничество – нельзя: тогда комедия уничтожится. Следовательно, нельзя отказать в некоторой доле справедливости людям, которые выводят из пьесы такое заключение: «Положим, что взятки брать нехорошо; но удалять-

ся взятки, не имея притом высшего благородства в душе, еще хуже». И отсюда иные пойдут дальше, до убеждения, что взятки «зло еще не так большой руки», – убеждения, в практических отношениях не весьма благотельного. При чем же, значит, осталась наша недавняя литература, с своими грозными обличениями против взяток, с своим крестовым походом на плутни подьячества? Не прошло двух лет, и ей говорят: «Что вы о пустяках хлопчете? Смотрите, вот где настоящее зло: Пустозеров, а не Зайчиков-отец, и даже не Анисим Федорович – настоящий бич современного общества»... И наша юридическая литература пала, замолкла, как будто призналась в своем бессилии и мелочности или как будто сделала свое дело... Говорят, литература служит отражением общества... Припомнив это, подумаешь, что двухлетние усилия нескольких борцов окончательно изгнали из русского общества заразу подкупности, что она кроется только в иных закоснелых старичках, да и то едва смеет выглядывать на божий свет. Вместо взяточников появились у нас чиновники неподкупные, забывающие

все для бескорыстия. Наступила, значит, пора карать пороки и этих неподкупных чиновников, а пороков у них немало... Но – увы! – литераторы обольщаются, приписывая своим творениям слишком большое влияние. Им еще не мало осталось дела, и напрасно они воображают, что уж сделано довольно.

Долг свершен! Пророк молчит!

Так, кажется, восклицают они с поэтом. Но зачем же он молчит? Никакого резону нет ему молчать. Пусть его кричит себе, кричит громче, до тех пор, пока не будет услышан. Г-н Потехин не виноват, что представил нам бескорыстного мерзавца, – идея, положенная им в основание его пьесы, гораздо глубже и важнее, нежели идеи юридических рассказчиков, обличающих взятки. Винить его за то, что он избрал такой предмет, невозможно. Если из его пьесы выведет кто-нибудь дурное заключение, то уж виноват будет не он, а, во-первых, тупоумие выводящего, во-вторых, – вы же, господа обличители взяток, замолкшие так не вовремя и не умеющие дать публике противоядия от личности Пустозерова.

Вы себя оправдываете тем, что вас уже не слушают, что вы уж надоели публике. Да знаете ли, отчего вас не слушают? Оттого, что вы кричите тихо, вяло, слабо. Вы ведь, надобно вам сказать, хотя и истинные пророки, но находитесь в положении пророков Вааловых{6}. Кого вы имеете в виду при ваших криках, к кому вы их адресуете? Ведь, уж конечно, не к тем невинным и полным благородства юношам, которые и без того полны отвращения ко всему, что казнится в ваших рассказах. Уж конечно, вы имеете в виду прошибить своими очерками людей, далеко зашедших на пути, который вы хотите уничтожить. Этих людей, стоящих на высоте порока, не так-то легко прошибить; они плохо слышат ваш голос, удаленные от вас своими *важными* житейскими заботами. А они-то и составляют для вас Ваала. Кричите же громче, кричите дольше, чтобы Ваал ваш услышал вас... Может быть, он спит, так разбудите его и потом опять и опять кричите. Кто знает, может быть и добьетесь чего-нибудь. А если нет, так будьте уверены, что вслед за вами явится Илия Фесвитянин, носящий в сердце другого бога,

бога правды и силы, и тогда, по его смелому, самоуверенному воззванию, низойдет с неба на землю огонь, поядающий зло, и вслед за ним благотворный дождь на засохшую почву.

Нет, мы не обвиним г. Потехина за то, что он преследует бескорыстие, лишенное всяких других достоинств. Но мы заметим у него еще один недостаток, касающийся сущности пьесы, – это недостаток смеха. Не внешнее качество составляет этот смех, а всю сущность дела в этом случае. Ведь г. Потехин писал комедию и выбрал для нее лица весьма комические. Пустозеров, с своим узеньким взглядцем, формалистикой, фанфаронством, с отсутствием всяких сердечных увлечений и с дикими противоречиями слов и дела, – этот господин – лицо в высшей степени комическое. Анисим Федорович, так ловко пользующийся доходами Пустозерова и так неловко играющий огнем своей дочери, – тоже отлично идет для комедии. Сама Дашенька ведь лицо комическое. Да, мы решаемся сказать это, несмотря на то, что у нас сердце не раз повернулось за нее в сценах последнего акта. Она любит Пустозерова, но что же в нем может любить

она? Не должна ли в наших глазах ронять ее любовь к подобному человеку, тем более что возле него стоит Зайчиков, который все же получше? Ведь мы же забавляемся человеком, который с страстью поет водевильные куплеты и ненавидит оперу, который в восторге от Марлинского и знать не хочет... ну, хоть Лажечникова. Так и в этом случае. В сущности, положение Дашеньки очень удобно для комедии, гораздо удобнее, нежели положение Софьи в «Горе от ума». Отчего же мы смеемся над Софьей Павловной в ее мечтах о Молчалине, который проводит с ней целые ночи, вздыхая из глубины души и не позволяя себе ни слова вольного, а над Дашенькой не смеемся, когда она рассуждает о благородстве Пустозерова и предается ему? Отчего ни сам Пустозеров, ни даже Анисим Федорович не смешны для нас в комедии г. Потехина? Вина этого, нам кажется, лежит не только на таланте г. Потехина, но и на самом обществе нашем. Ведь Пустозеров нам страшен; ведь мы не можем презирать его, как Молчалина, Хлестакова и прочих, ведь мы не можем стать выше его настолько, чтобы совершенно

заглушить в себе ненависть к нему и оставить место только для смеха. И вот отчего мы не умеем смеяться над ним. Оттого это, что, может быть, сегодня же вы найдете подобно-го Пустозерова в одном из своих школьных товарищей, из бывших друзей своих; оттого, что завтра, может быть, вы будете под влиянием этого человека и, будучи правы перед ним, по законной форме будете им осуждены, будучи близки к нему, вдруг будете нахально отвергнуты; оттого, что этот человек грозит вам стать смрадным и мрачным препятствием на вашей дороге всякий раз, как вы захотите сделать добро; оттого, что окружающие вас его хвалят, начальство возвышает, ваша жена, сестра, дочь влюбляются в него. Он возмущает самые святые ваши чувства, самые чистые убеждения, и на самом деле он опасен для них. Можно ли смеяться над ним после этого? Можно, но для этого надо найти в себе столько героизма, чтобы презирать и осмеивать все общество, которое его принимает и одобряет.

Но, с другой стороны, виноват и сам г. Потехин. Он воспитал в душе своей чувство

желчной ненависти к тем гадостям, которые вывел в своей комедии, и подумал, что этого достаточно. Оттого комедия вышла горяча, благородна, резка, но превратилась в мелодраму. Самое комическое место в ней составляет рассказ старика Зайчикова, выписанный нами выше. Остальное как-то сурово и мрачно действует на душу читателя. Недурно, пожалуй, и это; но все-таки главное впечатление пьесы – нервическое негодование, которое не может быть так постоянно присуще нашей душе, как чувство ровного, спокойного презрения и отвращения, являющееся после смеха, например, над героями Гоголя. Что, если бы Пустозеров, не теряя всей своей гадости, был выставлен притом в комическом свете? Что, если бы вся пьеса, вместо сдержанно-озлобленного тона, ведена была в тоне комическом? Какое бы великолепное произведение имели мы, и какой бы страшный удар был нанесен этим всем Пустозеровым, которые теперь не узнают себя в лице героя пьесы г. Потехина, имеющем действительно несколько пасквильный оттенок... Как сделать это, мы не умеем сказать, да и едва ли

можно рассказать это, не показавши на деле. Гоголь обладал тайной такого смеха, и в этом он поставлял величие своего таланта. Посмотрите, в самом деле, как забавны все эти Чичиковы, Ноздревы, Сквозники-Дмухановские и пр. и пр. Но меньше ли оттого вы их презираете? Расплывается ли в вашем смехе хоть одна из гадостей этих лиц? Нет, напротив, — этим смехом вы их только конфузите как-то, так что смущенные и сжавшиеся фигуры их так навсегда и остаются в вашем воображении, как бы скованными во всей своей отвратительности. Для того, чтобы *таким образом* представить негодяев и мерзавцев, подобных Пустозерову, нужно стать не только выше их, но и выше тех, между кем они имеют успех, и даже выше всякой ненависти, всякого раздражения против тех и других. Возвышение до этой нравственной степени составляет первое и необходимое условие для комического таланта. Без него можно сочинить великолепную сатиру, желчный пасквиль, ряд раздирательных сцен, потрясающую диссертацию в лицах, — но нельзя создать истинной комедии. А делая лица, по-

добные Пустозерову, и положения, подобные любви Дашеньки, предметом серьезных драм, мы только делаем слишком много чести этим негодям и слишком мало – всему современному нашему обществу.

Сноски

1

Взгляды, убеждения (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Пьеса Потехина была запрещена театральной цензурой и не ставилась в театре до 1862 г. Комедии Н. М. Львова – «Свет не без добрых людей» и «Предубеждение» (последней Добролюбов посвятил специальный отзыв – см. предшествующую рецензию).

[^^^]

2

Порфирий Петрович – персонаж «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Чиновничий произвол и взяточничество обличается в рассказах П. И. Мельникова-Печерского «Поярков», «Медвежий угол», «Непременный» и др.

[^^^]

3

Надимов – герой комедии «Чиновник» В. А. Соллогуба; *Фролов* — герой комедии Н. М. Львова «Предубеждение».

[^^^]

4

РВ, 1858, январь, кн. 1.

[^^^]

5

После рецензии Добролюбова появилось еще два отзыва на комедию: в статье Б. П. Алмазова «Взгляд на русскую литературу в 1858 году» (в кн.: Утро. Литературный сборник. М., 1859) и в журн. «Атеней» (1858, № 35, ч. IV; рецензия подписана криптонимом «Н. Н.»).

[^^^]

По библейскому преданию, пророки языческого божества Ваала напрасно взывали к нему, чтобы он для доказательства своей силы и истинности послал с неба огонь и воду и зажег приготовленный для жертвы костер; по слову же Ильи Фесвитянина, пророка «подлинного и всемогущего бога», огонь нисходит на землю и зажигает дрова на костре, обильно смоченные водою (3-я книга Царств, глава 18, стих 30 и след.).

[^^^]

[^^^]